

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ

В данной статье содержится анализ подходов к пониманию конституционного права на личную жизнь в научной литературе. Автором систематизированы и классифицированы существующие подходы к пониманию конституционного права на личную жизнь, такие как субъективно-содержательный, системный и информационно-антропный. В научной статье каждый подход исследуется посредством детального изучения особенностей рассматриваемого права в соответствии с пониманием его представителями указанных подходов. На основании рассмотренных в статье научных проблем автором сделаны выводы, которые вносят вклад в развитие науки конституционного права.

A. H. KUNETS

SCIENTIFIC APPROACHES TO UNDERSTANDING CONSTITUTIONAL RIGHT OF PRIVACY

The present article is an attempt at examining the scientific approaches to understanding of constitutional right of privacy. The author has systematized and classified existing approaches, such as subject-information approach, system approach and information-anthropic approach. The author has investigated each approach mentioned above by detailed studying of features of privacy according to his understanding by each representative of the specified approaches. On the basis of the scientific problems considered in the article, the author has drawn conclusions which make a contribution to development of science of Constitutional Law.

КУНЕЦ
Анастасия Геннадьевна,
 магистр юридических наук,
 аспирант юридического факультета
 Белорусского государственного
 университета, преподаватель
 кафедры международного права
 Международного университета
 «МИТСО»

Введение

Становление информационного общества в Республике Беларусь обусловлено высокими темпами развития информационных технологий, созданием глобальных телекоммуникационных сетей, ростом скорости передачи и обработки информации, увеличением емкости мобильных носителей, формированием разнопрофильных электронных банков данных персональной информации жителей Республики Беларусь. Указанные достижения научно-технического прогресса позитивно отражаются на качестве жизни, оптимизации управленческих процессов, организации социальных сервисов, возможностях реализации конституционных прав на поиск, получение, передачу и распространение информации. Однако столь стремительное развитие информационных технологий и расширение возможностей информационного обмена создают угрозу неправомерного вмешательства в сферу личной жизни гражданина, неприкосновенность которой закреплена в ст. 28 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) [1].

Подобные угрозы требуют от государства, являющегося гарантом обеспечения прав и свобод граждан Республики Беларусь, новых исследований, направленных на охрану и защиту личной жизни, а также на усиление эффективности реализации права на личную жизнь. Следует согласиться с Л. Д. Воеводиным, что «наука конституционного права должна реагировать на подобные вызовы современности путем обновления, законодательства, обеспечения его реальности на основе действующей ныне

Конституции, а также глубоким анализом и переработкой теории, так как составляющая успеха нового законодательства – глубокая теория, которая, в свою очередь, ищет импульсы в законодательстве» [2, с. 11]. Следовательно, необходимо изучить подходы к пониманию права на личную жизнь, содержащиеся в научной юридической литературе.

Анализ научных трудов таких авторов, как С. А. Авакьян, Е. Алдерман, Г. А. Василевич, Л. Д. Воеводин, Ю. А. Замошкин, Л. О. Красавчикова, О. Е. Кутафин, И. И. Лукашук, Дж. Д. Новик, Э. Пикард, С. М. Сивец, А. Хендрикс, А. В. Шавцова и другие, позволяет констатировать отсутствие унифицированного подхода к пониманию содержания конституционного права на личную жизнь. Отсутствие единообразного подхода наблюдается и при регламентации общественных отношений в сфере реализации конституционного права на личную жизнь. В связи с этим представляется первоочередной необходимостью дальнейшего научного осмысления и систематизации правомочий конституционного права на личную жизнь.

Основная часть

Для выявления сущности понятия конституционного права на личную жизнь необходимо обратиться к анализу содержания его отдельных элементов, или правомочий, которые возникают в рамках совокупности общественных отношений, складывающихся в процессе признания, реализации, обеспечения, охраны и защиты государством и обществом конституционного права на неприкосновен-

ность личной жизни человека и гражданина. По мнению представителей юридической науки, личная жизнь не является единым, целым понятием, а объединяет спектр разнородных общественных отношений и интересов [3, с. 14], изучение которых позволит укрепить существующие механизмы реализации и защиты данного конституционного права.

Руководствуясь критерием содержания, мы полагаем, что все подходы к правовому пониманию конституционного права на личную жизнь можно разделить на субъективно-содержательный, системный и информационно-антропный подходы.

Субъективно-содержательный подход. Заключается в понимании права на личную жизнь как узкой сферы взаимодействий между субъектами в сфере семейных, бытовых и интимных отношений.

Истоки структурно-содержательного подхода можно найти, если обратиться к науке начала XX в. Мы можем констатировать, что правовая наука того периода не уделяла должного внимания защите права на личную жизнь, так как в данный период развития советского государства понятие «частная жизнь» ассоциировалось с англосаксонской системой права и, как следствие, понятие «частная жизнь» постепенно исключалась из юридического употребления, так как имело буржуазные коннотации, не свойственные советскому человеку и социалистическому образу жизни [4, с. 14]. Понятия «личная жизнь» и «частная жизнь» выступали как антиподы, обусловленные противоположными общественно-экономическими формациями – социалистической и капиталистической [4, с. 16]. В советскую эпоху доминирования коллективных прав над личными право на частную жизнь не могло приобрести должную правовую и конституционную защиту так как оно противоречило идеологии советского государства. В отечественной правовой науке того времени зародилась традиция употреблять термин «право на личную жизнь» вместо частной касательно информации или данных отдельного индивида. В советскую эпоху «личная жизнь» не подвергалась глубокому правовому анализу, а как явление рассматривалась с точки зрения философско-социологических исследований [4, с. 14]. Личная жизнь в рамках рассматриваемого подхода заключалась исключительно в «функционировании человека в особой сфере семейных, бытовых, интимных отношений» [5, с. 10–11], составляя таким образом узкую сферу общественных отношений, охватывающих исключительно сферу семейных отношений и быта, что представляет собой советский подход, отрицавший саму возможность приобретения личным правом реальной формы конституционной защиты [6, с. 51–52]. Подобного противопоставления лично-семейной жизни придерживался Э. С. Исхаков, утверждавший, что «коренная природа личной жизни – быть отпочкованием общественной и функционировать в ней» [7, с. 12], следовательно, личная жизнь представляла собой второстепенное понятие по сравнению с жизнью общества.

Справедливо отметить, что личная жизнь в рамках субъективно-содержательного подхода рассматривается как принадлежность определенного объекта – личности, основным содержанием которой является ее деятель-

ностная позиция «ко всему, что ее окружает: к труду, социальному строю, коллективу, другим людям» [8, с. 153]. Следовательно, аналогия становления и реализации личности через призму трудовых и иных социальных отношений дискриминирует несовершеннолетних и частично либо полностью недееспособных граждан, которые автоматически выпадают за рамки социума.

Ряд ученых полагает, что содержание понятия личной жизни может быть дано посредством негативного определения [9, 10], в котором отражается противопоставление личной жизни общественной. В понимании этих ученых личная жизнь представляется полностью отделенной от общественных отношений и не должна подвергаться никакому (общественному или государственному) воздействию. Данная трактовка понятия личной жизни также противопоставляет неформальное свободное общение человека и гражданина в рамках семейных отношений [9] жизни общественной. Так, И. Е. Фарбер считал, что право на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну состоит из ряда правомочий, обеспечивающих гражданину возможность находиться вне службы, вне производственной обстановки, вне общественного окружения в состоянии известной независимости от государства и общества, а также юридических гарантий невмешательства в реализацию данного права [9].

В свою очередь, Б. Т. Безлепкин, говоря о содержании права на личную жизнь в контексте судебного-правовой защиты прав и свобод граждан, трактует личную жизнь как сферу исключительно личных, неслужебных и неделимых отношений [10, с. 56]. Полагаем, что автор понимает указанные отношения, корреспондирующие исключительно к конкретному лицу и касающиеся только его, а не общества и государства в целом и, таким образом, не подлежащие контролю с их стороны.

Однако даже в рамках такого кардинального противопоставления представляется проблематичным определить и установить границу, где «личное» переходит в «общественное», поскольку личная жизнь тесно связана с общественной и многие стороны этой сферы регулируются только нормами морали, а другие – только нормами права [11]. По нашему мнению, советская правовая мысль косвенно признавала, что личная жизнь хоть и не являлась разнородностью общественной, но, по крайней мере, была ею обусловлена.

Таким образом, ограничивая содержание правомочий конституционного права на личную жизнь исключительно семейно-бытовыми отношениям, субъективно-содержательный подход к пониманию данного права снижает конституционные гарантии обеспечения и реализации в данной области. Следствием подобного ограничения является слишком узкий спектр общественных отношений, защищаемых Основным законом страны, что недопустимо в современном правовом обществе.

Системный подход. Заключается в понимании права на личную жизнь как совокупности правомочий [12, с. 49], позволяющих увидеть и учесть как общие черты всех ее структурных составляющих, образующих систему, так и ее особенности [13, с. 163].

Системное, широкое понимание личной жизни заслуживает особого внимания и изучения, так как жизнедея-

тельность субъекта охватывает самые различные области общественных отношений, а следовательно, в каждой из различных областей общественных отношений субъект данного конституционного права будет иметь право на соблюдение его личной жизни и его личного пространства [13].

Сторонники системного подхода к пониманию личной жизни делят ее на ряд отдельных элементов или правомочий [12, с. 49], включая в нее кроме внутренней, духовной сферы человеческой жизни также сферы межличностного общения, социальную и семейную жизнь человека. Личная жизнь представляет собой «явление, охватывающее разнохарактерные связи и отношения лица и общества» [14]. Как справедливо указывает С. А. Авакьян, личная жизнь в широком смысле слова – это «жизнь человека в семье; его трудовая деятельность; состояние здоровья; общение человека с другими людьми» [15].

В рамках системного подхода ряд ученых полагает, что личная жизнь представляет собой понятие с двойственной природой: во-первых, стабильное ядро – внутренний мир человека; во-вторых, динамичная основа, наделяющая ее способностью распространять личностный, тайный аспект на все общественные отношения, в которые вступает человек и гражданин в процессе своей жизнедеятельности [4, с. 16; 16, с. 5].

Согласно концепции Ю. А. Замошкина личная жизнь человека и гражданина состоит из следующих элементов: 1) внутренняя духовная жизнь человека, охватывающая мысли и чувства человека, его эмоции и верования, а также его желание делать их предметом гласности или нет; 2) сфера межличностного общения человека, а именно его круг общения, тайны его коммуникации; 3) вопросы семейного быта и досуга; 4) сфера имущественных отношений, свободного распоряжения своей собственностью и имуществом [16, с. 5]. Полагаем, что классификация, предложенная Ю. А. Замошкиным, включает следующие правомочия личной жизни: право на защиту чести и достоинства человека и гражданина, право человека и гражданина на тайну коммуникации, тайну семейной жизни.

Однако, на наш взгляд, системный подход не дает точного ответа, из каких конкретно правомочий состоит конституционное право на личную жизнь [12, с. 295]. Такой подход лишь расширяет область общественных отношений, на которые распространяется неприкосновенность личной жизни, что скорее создает вопросы, нежели их разрешает. Например, возникает вопрос относительно существования иерархии составных элементов права на личную жизнь, а именно: 1) степень секретности и неприкосновенность того или иного правомочия личной жизни человека и гражданина; 2) на основании каких критериев будет определяться степень секретности и, следовательно, обеспечиваться механизм конституционной защиты указанного права.

Информационно-антропный подход. Является междисциплинарным подходом, соединяющим идеи, возникшие в естествознании и получившие впоследствии ярчайшее отображение в философии и иных общенаучных, гуманитарных дисциплинах, что отражает комплексные, синтетические ориентации современной науки [17].

Актуальность выделения данного подхода, по нашему мнению, напрямую связана с концептуальными изменениями понимания научной картины мира, которая больше не укладывается в прежние формулировки и требует современных подходов к пониманию ее содержания.

Антропный подход, или принцип, в чистом виде был сформулирован в рамках естественных наук, которые призваны объяснять окружающую действительность «посредством выявления причинно-следственных связей в массивах однородных, повторяющихся явлений» [17]. По мнению Б. Картера, «мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек» [18, с. 369–370]. Представляется, что указанное утверждение составляет основу антропного принципа. Согласно антропному принципу без разумного наблюдателя, человека вся окружающая его действительность не является реальной [19, с. 27]. Следовательно, человек (от греч. антропос) является центральным элементом антропного подхода к действительности всего бытия и всех происходящих с человеком взаимодействий.

Как справедливо указывают А. Ю. Внутских и М. И. Нешев, в настоящее время в научной доктрине сложилось мнение о том, что во второй половине XX – начале XXI в. идет процесс «очеловечивания», или «антропологизации», научного знания посредством формирования единого, общего для всех наук глобального антропного принципа [20, с. 21]. Ряд ученых полагает, что антропный принцип является уникальным инструментом в понимании многих свойств окружающего мира [17, 19, 20, 21]. Долгое время данный принцип выглядел слишком метафизическим и многие ученые предпочитали не использовать его в своих исследованиях [21]. Однако в современной науке активно развиваются мощные интегративные тенденции [20, с. 19–20], связывающие естественные и социально-гуманитарные науки в отношении осознания действительного смысла человеческого бытия [22], процесс изучения которого представляет собой исследование «сложных развивающихся “человекообразных” систем, которые обладают “синергетическими характеристиками” и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, стирая жесткие границы между ними» [22]. Как справедливо указывает А. Линде, «этот принцип может помочь нам осознать, что самые сложные и фундаментальные проблемы могут быть почти тривиальными, если взглянуть на них с другой точки зрения» [21].

Содержание права на личную жизнь в рамках информационно-антропного подхода имеет отправной точкой не сами правомочия данного права, а человека – антропос – как носителя сознания, познающего и определенным образом действующего в реальном, окружающем его мире [17]. Общественные отношения, в которые человек вступает в ходе жизнедеятельности, представляют собой своеобразный информационный фон, который существует вокруг него. Информационный фон в свою очередь состоит из развивающихся общественных отношений, число которых стремительно множится в процессе развития общества. Антропный принцип проявляется в момент взаимодействия человека, наблюдателя с беско-

нечным множеством общественных отношений, которое порождает в момент их соприкосновения права, свободы и вытекающие из них обязанности. Следовательно, человек является прямым катализатором появления прав, свобод и обязанностей, которые без его присутствия не являются реальными.

На наш взгляд, одной из наиболее точно отражающей суть информационно-антропного подхода к пониманию содержания права на личную жизнь является концепция, разработанная Э. Пикаром (*Etienne Picard*). Центральный элемент данной концепции олицетворяет самого человека, индивида.

Личная жизнь человека, по видению Э. Пикара, представляет собой совокупность трех вписанных друг в друга концентрических кругов [23, с. 60–61]. Первая окружность представляет собой внутренний мир человека: его верования, ценности и мысли. Вторая окружность представляет собой интимную и личную жизнь человека. Этот элемент, по мнению Э. Пикара, заслуживает наиболее тщательной защиты со стороны государства, так как данная сфера является наиболее уязвимой для вторжения. Третья окружность представляет собой так называемую личную жизнь человека «проводимую на публике» [23, с. 60–61], т. е. его общественную жизнь.

По нашему мнению, данная концепция, основываясь на антропном принципе, наиболее точно отображает суть правомочий права на личную жизнь, так как учитывает совокупность элементов взаимных отношений индивидов при их общей общественной и динамичной обусловленности, включая в нее как семейную, личную жизнь, с домашним укладом, так и область других личных взаимоотношений человека, привязанностей, образа мысли, увлечений и творчества [5, с. 10–11]. Кроме того, данная концепция также выделяет приоритетные для конституционно-правовой защиты элементы данного права. Таким образом, право на неприкосновенность личной жизни понимается как государственная гарантия неразглашения сведений личного и интимного характера третьим лицам, а также недопустимость слежки за человеком, прослушивания его телефонных и иных сообщений, просмотра его корреспонденции [5, с. 10–11], право на защиту чести и достоинства личности, тайны деторождения и усыновления, тайны распоряжения собственным имуществом, тайны вкладов, тайны состояния здоровья,

свободы совести [12, с. 295]. Следовательно, конституционное право на личную жизнь раскрывается через его существенные правомочия, без которых содержание рассматриваемого права не было бы полным.

Заключение

Проведенное исследование содержания конституционного права на личную жизнь позволило сформулировать следующие выводы теоретико-прикладного характера.

1. В настоящее время в трудах отечественных и зарубежных правоведов отсутствует единообразный подход к пониманию содержания права на личную жизнь. В ходе исследования, руководствуясь критерием содержания, автором была предложена следующая классификация подходов к правовому пониманию конституционного права на личную жизнь: субъективно-содержательный, системный и информационно-антропный подходы.

2. Особенностью субъективно-содержательного подхода является представление личной жизни человека и гражданина как сферы общественных отношений, охватывающих исключительно сферу семейных отношений и быт. Представителями субъективно-содержательного подхода являются Б. Т. Безлепкин, Р. Гольман, Э. С. Исхаков, Н. С. Малеин, И. Л. Петрухин, И. Е. Фарбер.

3. Системный подход представляет личную жизнь человека и гражданина как ряд отдельных элементов, включающих кроме семейной жизни человека его внутреннюю, духовную сферу жизни, а также сферы межличностного и социального взаимодействия. Представителями системного подхода являются С. А. Авакьян, Г. А. Василевич, Л. Д. Воеводин, Ю. А. Замошкин, Л. О. Красавчикова.

4. В рамках информационно-антропного подхода личная жизнь человека и гражданина предстает как ряд отдельных элементов, включающих кроме семейной жизни человека его внутреннюю, духовную сферу жизни, а также сферы межличностного и социального взаимодействия. Представителем информационно-антропного подхода является Э. Пикар.

5. Таким образом, представленная автором классификация подходов к пониманию содержания конституционного права на личную жизнь является полной и достаточной, так как отражает актуальные и динамичные изменения в понимании научной картины мира в целом.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Издательство МГУ, 1997. – 304 с.
3. Хендрикс, А. Права человека: Ваше право на неприкосновенность частной жизни : моногр. / А. Хендрикс, Т. Хейден, Дж. Д. Новик. – СПб. : 1996. – 123 с.
4. Цадыкова, Э. А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Э. А. Цадыкова. – М., 2007. – 167 л.
5. Петрухин, И. Л. Личная тайна (человека и власть) : моногр. / И. Л. Петрухин. – М. : Инст. гос-ва и права РАН, 1998. – 192 с.
6. Гольман, Р. Верховный Суд США. О гражданских правах и свободах / Р. Гольдман, Э. Лентовска, С. Франковски. – Варшава : Бега, 1996. – 254 с.
7. Исхаков, Э. С. Личная жизнь : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Э. С. Исхаков ; Акад. наук СССР. – Саратов, 1981. – 310 л.
8. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита : моногр. / М. Н. Малеина. – М. : МЗ Пресс, 2001. – 244 с.

9. Фарбер, И. Е. Вопросы теории советского конституционного права / И. Е. Фарбер, В. А. Рыжевский. – Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1967. – 318 с.
 10. Безлепкин, Б. Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами : моногр. / Б. Т. Безлепкин. – М. : Юринфор, 1997. – 122 с.
 11. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством : моногр. / Н. С. Малеин. – М. : Наука, 1985. – 250 с.
 12. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособие / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.
 13. Проскурякова, М. И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России / М. И. Проскурякова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – № 2. – С. 12–27.
 14. Красавчикова, Л. О. Личная жизнь под охраной закона : моногр. / Л. О. Красавчикова. – М. : Юрид. лит., 1983. – 289 с.
 15. Авакян, С. А. Конституционное право России : учебник / С. А. Авакян. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
 16. Замошкин, Ю. А. Частная жизнь, частный интерес, частная собственность / Ю. А. Замошкин // Вопросы философии. – 1991. – № 1. – С. 3–12.
 17. Ненашев, М. И. Антропный принцип и проблема наблюдателя / М. И. Ненашев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 64–74.
 18. Картер, Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии / Б. Картер // Космология. Теории и наблюдения. – М. : 1978. – С. 369–379.
 19. Wheeler, J. A. Genesis and Observership / J. A. Wheeler // Foundational Problems in the Special Sciences. – Eds. R. Butts and J. Hintikka, Dordrecht: Reidel : 1977. – P. 1–33.
 20. Внутских, А. Ю. Антропный принцип современной науки : содержание и философские интерпретации : моногр. / А. Ю. Внутских, М. И. Ненашев. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – 79 с.
 21. Линде, А. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип [Электронный ресурс] / А. Линде // Стэнфордский ун-т : США. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/hep-th/0211048>. – Дата доступа: 27.02.2018.
 22. Степин, В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. . – М. : Гардарики, 1996. – 399 с.
 23. Protecting Privacy / ed.: Basil S. Markesinis. – New York : Oxford University Press, 1999. – III, 248 p.
- 15.03.2018